

ции // Вестник Пермского государственного университета. 2009. Сер. Философия. Вып. 5. С. 22–31; *Внутренних А. Ю.* О социально-философских аспектах нанореволюции // Наука. Философия. Общество: материалы V Российского философского конгресса. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 36–37.

27. *Gubrad M.* Nanotechnology and International Security. URL: <http://www.foresight.org/Conferences/MNT05/Papers/Gubrad/index.html> (дата обращения 18.09.2010)

28. *Альтман Ю.* Военные нанотехнологии. Возможности применения и превентивного контроля вооружений. М., 2009. С. 348.

29. *Шольце С.* Указ. соч. С. 47.

30. *Стоафт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 445.

31. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 103, 134.

УДК 2-41

Н. Н. Ярыгин

ВЕРА И ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье рассматривается категория веры, которая впервые формируется в древнем сознании. Благодаря вере в миф закладываются основы морали и поведения человека в обществе, появляются первые знания о мире. Данная форма веры в определённой мере сохраняется и в современном сознании, однако сегодня она, скорее всего, играет уже отрицательную роль.

In article the category of belief which is formed in ancient consciousness is considered. The belief in a myth is a base of morals and behavior of the person in a society and of first knowledge of the world. The given form of belief in a certain measure we find in modern consciousness, however today it, most likely, plays already negative role.

Ключевые слова: вера, миф, сознание.

Keywords: belief, a myth, consciousness.

Существующие определения веры в основном характеризуют веру религиозную, философскую, веру в научном познании [1]. Совершенно вне поля зрения остаётся вера в обыденном сознании. Однако названный вид веры является существенным пластом человеческого сознания, который в значительной степени влияет на формирование мировоззрения человека. Обыденное сознание в широком понимании послужило в своё время источником развития и религии, и философии, и научных знаний.

В обыденном сознании вера представлена как безусловное принятие человеком знаний, положений без достаточных на то оснований. Веру следует отличать от психологической уверенно-

сти, существующей на уровне биологического инстинкта. В силу своей телесности человек обладает психологической уверенностью, которую некоторые исследователи принимают за веру. Так, Ч. Пирс связывает готовность к действию, волю человека с верой. «Готовность действовать из критерия веры превращается в её содержание, то есть в содержание той идеи или предложения, в которое верят» [2]. Вслед за ним Б. Рассел с некоторыми оговорками признаёт наличие веры у животных и даже характеризует её как «истинная» или «ложная» в зависимости от ситуации [3]. Получается, что животные тоже наделены даром познания и человек мало чем отличается от других существ. Однако не следует забывать, что у животных эта психическая уверенность базируется на инстинктах, а сознание человека отнюдь не сводится к последним. Далее Б. Рассел пишет: «... имеется вера без слов в то, что находится за пределами опыта этого животного» [4]. Если речь об эмпирическом опыте (ощущение, восприятие), то с автором можно согласиться. Кроме этого вера человека есть явление его духовной природы, выраженной образами и словами. Этнографами давно замечено в архаичном обществе повторение из поколения в поколение с абсолютной точностью одних и тех же исторических преданий, родословных, мифов. Ученые обнаружили психологическую основу словесного повторения и ритуального действия. Она заключается в эхоталазии (непроизвольном речеподражании), на базе которой возникает народная память – эпос [5]. Собственно в мифе и формируется феномен веры как специфической характеристики человеческого сознания. Одно из значений древнегреческого слова «миф» переводится как «слово». Лишь «вера в слово» и является собственно верой, отличительным признаком человеческого сознания. Знание существует и передаётся только через слово. Человек познаёт окружающий мир, осознает его, накапливает и передает свои знания потомкам.

Архаичное сознание развивалось через эмпирический материал многих поколений людей. Опыт формировался преимущественно из образов различных двигательных операций, и многие из них становились привычными навыками, автоматизмами (владение орудиями труда и быта, оружием и т. п.). Двигательная уверенность человека сама по себе, овладение различными операциями – это еще не есть вера, которая появляется лишь тогда, когда эти навыки начинают закрепляться в ритуальных действиях и посредством слова передаваться от человека к человеку. Огромное значение магии слова подтверждается тем, что гипнотическому воздействию через слово не подвержены младенцы, механизм сугге-

сти не срывает также тогда, когда врач-гипнолог и пациент изолированы друг от друга звуконепрозрачным стеклом. Важное условие веры древнего человека – коммуникативность. Чем более замкнуто некое сообщество, «тем более оно внутренне соткано из доверия – “веры на слово”» [6]. Благодаря социальному характеру веры миф обретает над общиной безграничную власть.

Древний человек являлся лишь единицей рода (индивидом), напроочь отсутствовало личностное начало, что вполне заметно по ранним литературным источникам. Так, в гомеровских «Илиаде» и «Одиссее» повествование ведётся от третьего лица. Доминирование родового начала над индивидуальным было сопряжено с определёнными издержками. Род, племя могли легко пожертвовать любым своим членом ради выживания, причем выбирались самые достойные, да и вряд ли сами жертвы испытывали большие терзания по этому случаю, скорее наоборот – это было их почетной обязанностью. Конечно, сегодня человеческие жертвоприношения выглядят вопиющим варварством, но в тех условиях безоговорочной веры в миф, отсутствия личностного начала это было вполне естественным явлением. Более того, история знает жертвоприношения младенцев. К примеру, они были распространены в финикийском культе небесного божества Баалшагема, в частности в Ханаане, Финикии и Карфагене. В основе этой традиции, очевидно, лежал миф о том, как Крон (Эл) принес в жертву Урану (Баалшамему) своего сына. В финикийских обществах Средиземноморья такие жертвы сохранялись, возможно, до конца первого тысячелетия до н. э. [7] Широко были известны жертвоприношения детей в виде сожжения с предварительным умерщвлением. Часто при угрозе военного поражения приносили в жертву обычно мальчиков в возрасте до шести месяцев. К примеру, по сообщению Диодора Сицилийского, когда армия главы Сицилийского союза городов Агафокла осадила Карфаген в 311–310 гг. до н. э., его защитники принесли в жертву более 500 детей. Среди них 200 от знатных семей были определены властями, а около 300 принесены в жертву горожанами добровольно [8]. Обороняющие с городских стен просто выставили на своих руках младенцев под град неприятельских стрел, поднялся неопишуемый детский плач и крик, осаждающие были настолько шокированы происходящим действием, что сняли осаду и удалились прочь.

Образы всемогущих духов составили ядро магической практики. Через заклинания и ритуалы миф стал средством разрешения проблемных ситуаций жизни общины. Вера в миф была настолько сильна, что «не было еще примера,

чтобы неудача какого-нибудь магического обряда обескуражила тех, кто в него верит» [9]. Как правило, в подобных случаях тень сомнения падала на конкретного колдуна, его магическую силу и способность общаться с духами. Формировалась безусловная установка на принятие мифа в качестве первой мировоззренческой картины мира. Вследствие суровых условий обитания психика древнего человека была перегружена негативными эмоциями: тревога, страх, отчаяние. Человек, постепенно утрачивая свою былую физическую мощь, одновременно обретал силу духовную в виде веры в миф, благодаря чему собственно он и выжил, хотя был значительно слабее окружавших его хищных животных, природных стихий и катаклизмов. Так, в архаичном сознании формируется устойчивый оптимизм, надежда человека на свои силы. «Это всегда вера во власть человека достигать желаемой цели с помощью колдовства и ритуала» [10]. По большому счету архаичное мышление особых сомнений в познании окружающей действительности не испытывало, чаша весов здесь всегда склонялась в сторону веры. Древняя магия становится реальностью для человека, Дж. Фрэзер приводит множество характерных примеров последнего. Так, женщина из новозеландского племени маори съела фрукт, а потом узнала, что он сорван в месте, на которое вождём наложено табу. Она воскликнула, что дух вождя, которого она так оскорбила, несомненно погубит её. Всё это произошло после полудня, а на следующий день в двенадцать часов она уже была мертва [11]. Предметом нарушения табу может быть вещь, которой пользовался вождь, остатки его пищи, то есть рядовой член племени погибает от соприкосновения с таким предметом, через который на него воздействует духовная сила вождя. Причиной смерти могла быть также легкая царапина, но нанесённая заговоренным, магическим оружием. В любом из таких случаев характерным является то, что, как только жертва узнаёт о нарушении табу, о предсказании знахаря о её близкой смерти, в действие вступает вера, которая и приводит приговор в исполнение. Человек просто ложится умирать, отказываясь от пищи, и чахнет, «вера в неотвратимость наказания за нарушение табу может убивать точно так же, как удар каменным рубилом» [12], – комментирует подобные случаи Ф. Кликс. Данное явление имеет характер психогенной смерти. По выражению К. Леви-Строса, в таких случаях физическая смерть человека предшествует смерти социальная [13]. С околдованным человеком прекращаются всякие контакты со стороны общины и даже самых близких людей. Его избегают и гонят отовсюду прочь, в итоге тотальный обскурантизм незамедлительно убивает несчастного.

Даже целительная сила колдуна основывается в первую очередь не на его методах и умениях, а на коллективной вере людей в магию [14]. Случается, что малоопытный молодой человек, к тому же ранее скептически относившийся к магии, может составить серьёзную конкуренцию опытному колдуну, стоит лишь общественному мнению склониться в сторону первого. В описываемом случае это повлекло за собой уход из племени старого колдуна и его смерть.

Подобные табу сыграли важную роль в становлении человеческого общества. Например, традиции тотемизма способствовали преодолению древним человеком инцеста (кровосмешения), который мог привести к вымиранию человечества. Члены племени считались «единными во плоти» с почитаемым тотемом, эту «плоть» нельзя было убивать, есть, делать объектом половых отношений. Для мужчин появляется табу на женщин их рода, племени, благодаря этому в древней общине устанавливается социальный мир, исчезает вражда среди мужчин из-за женщин своего племени. Тогда мужчины отправляются на поиски партнёрш в соседнее племя, что в итоге даёт уже здоровое, жизнеспособное потомство, завязываются прочные отношения между различными племенами.

Как первая мировоззренческая картина миф способствовал освоению окружающего мира человеком, он явился первой попыткой осознания им окружающей действительности. Знания древнего человека о мире носили почти исключительно эмпирический характер. Они существенно отличаются от знаний современных, в которых есть большая доля абстрагирования, рациональных и теоретических выкладок и положений. Познать какой-либо предмет для архаичного человека означало, прежде всего, ощутить его своими органами чувств, пережить соприкосновение и внутреннее единство с ним. Синкретическое сознание объединяло в одно целое человека и весь мир. Отсюда следует, что и вера древнего человека носила преимущественно чувственный характер, который закреплялся суггестивным способом передачи мифа в поколениях людей и внедрения его в архаичное мышление. Древние маги использовали социально-психологический компонент внушения, который исключал возможные раздумья. На всю жизнь представители рода погружались в стихию священных слов и групповых ритуалов. В этой ситуации миф становился абсолютной ценностью для древнего человека, первые сомнения в мифе появляются вследствие расхождения словесных символов и эмпирических данных окружающей действительности. По мере расширения человеческого опыта скепсис в отношении мифа увеличивался. Поначалу вера надёжно защищала

миф от воздействия критического опыта, но с ростом знаний о мире возможности объяснения явлений через миф уменьшались. Таким образом, миф можно рассматривать как первую попытку духовного освоения мира древним человеком, в котором решающую роль играет «вера в слово». Однако уже в мифе появляется в архаичном сознании и суррогат веры – суеверия, сюда можно отнести колдовство, древнюю магию, которые тогда играли все же конструктивную роль. В последующие эпохи они приобретают отрицательное значение и вытесняются преимущественно в обыденное сознание. С появлением критического мышления в виде философской рефлексии традиционный миф подвергается сомнению, это стало возможным благодаря формированию индивидуализированного сознания и личностного начала. Отдельные древние мыслители начинают выделять себя из общины, мыслить иначе, чем другие, и первое, что подвергается их сомнению, – это миф. Безусловная вера в миф начинает уступать место вере относительной, сопряженной с сомнением.

Вера в слово, сохраняя положительные стороны, продолжает своё существование и в сознании современного человека. Можно легко проследить это при освоении ребёнком родного языка, при усвоении им первых знаний о мире. Благодаря своему авторитету родители и взрослые передают ребёнку основы знаний, вводят его в этот прекрасный мир. «Ребёнок учится благодаря тому, что верит взрослому» [15]. Поэтому педагог должен обладать высокими суггестивными способностями помимо знаний. Однако это даёт положительный эффект при гармоничном сочетании веры и сомнения, что формирует общую культуру мышления творческой личности. Известная черта мифологического мышления – анимизм – в течение тысячелетий не стал достоянием истории. Он без особых изменений сохранился в обыденном мышлении, в детском сознании. У ребёнка это проявляется в одушевлении окружающих предметов, в обыденном сознании – в наличии различных суеверий. Суеверие понимается как предрассудок, то есть мнение, предшествующее рассудку. Следы анимистических суеверий до сих пор живут в обыденном языке, хотя часто уже давно утрачен их первоначальный смысл. Некоторые из них продолжают существовать в первозданном виде в человеческом сознании до наших дней. Достаточно назвать такие представления как «чёрная кошка», «дурной глаз», «число тринадцать». Как происходит своеобразная «рационализация» действительности в архаичном сознании, объяснявшем все происходящее в мире, так и обыденное сознание предпринимает подобную «рационализацию» в объяснении мира, сюда можно отнести различ-

ные народные приметы. Как правило, положительный опыт в таких случаях остается в памяти надолго, отрицательный – быстро забывается. Еще Ф. Бэкон признавал познавательную ценность и отрицательного результата опыта. Единственное, что здесь следует учитывать, это правила теории вероятностей. Предсказания хиромантов и гадалек «настолько осторожны и неточны, что логическая вероятность их осуществления чрезвычайно высока» [16]. Подобные суеверия в предсказания основываются на неистребимом стремлении человека к познанию мира и самого себя. Чем ниже интеллектуальный уровень человека, тем больше он подвержен воздействию этих суеверий. Противоположность этих суеверий – сомнение – даёт человеку толчок для поиска знаний.

Вера тесно связана с самочувствием и здоровьем человека. В обыденном языке употребляется понятие такого заболевания, как рак, тогда как современная онкология насчитывает около сотни различных заболеваний на основе опухолевых и новообразовательных процессов, имеющих свою природу, причины возникновения, механизмы протекания и т. д., а соответственно – методы лечения [17]. Так обстоит дело, по сути, с любым заболеванием. Отсюда следует, что нужно крайне осторожно относиться к универсальным целителям, гарантирующим излечение от целого ряда заболеваний. Здесь явно или неявно делается ставка на суеверия, укорененные в обыденном сознании. Временные улучшения, которые испытывают пациенты в подобных ситуациях, носят чисто суггестивный характер. При наличии серьёзного заболевания несвоевременное обращение к специалистам может привести к непоправимым последствиям. Среди положительных сторон обыденной веры можно выделить её терапевтический эффект в сочетании и с традиционными методами лечения. Вера в слово врача, в выздоровление через подсознание оказывает положительное воздействие на соматические процессы и функции организма. В своё время это отмечал еще В. М. Бехтерев. К тому же «устная речь действует сильнее печатного слова...» [18]. Велико значение слова наряду с другими символами воздействия в лечении гипнозом и в психотерапии. «При этом символы благоприятно действующих на организм воздействий вызывают сочетание быстрее и притом более разнообразные, нежели символы неблагоприятных воздействий» [19]. Получается, что человек по природе своей существо оптимистическое. Словесное воздействие врача усиливает этот оптимизм больного человека, а установка на выздоровление буквально творит чудеса. Уверенность человека в себе является определенным фактором внутренней саморегуляции организма. Отчаяние че-

ловека, неверие в свои силы, наоборот, ведёт к ухудшению его физического и психического состояния. Обыденная вера имеет положительная свойства лишь в сочетании с методами традиционной медицины, но приобретает отрицательные – при игнорировании последних.

Чем живет современный человек? Чем он руководствуется в своей повседневной жизни? Казалось бы, знаменитый лозунг Ф. Бэкона «Знание – сила» на века определил человечеству столбовую дорожку «от мифа к логосу», к разуму. В жизни происходит всё несколько по-другому. Древний грек эпохи Гомера вовсе не утопал в мифах, а современный человек отнюдь не мыслит исключительно категориями науки. Человеку значительно ближе обыденное мышление, в котором мирно уживаются мифические образы и наука. Обусловлено это самой природой человеческого сознания, в котором знания запечатлеваются в двух взаимодополнительных формах: образной, или иррациональной (эстетической, художественной, теологической), и рациональной, или научной [20]. Следует это из устройства человеческого мозга, имеющего левое и правое полушария, «курирующие» соответственно рациональную и иррациональную обработку информации. Лишь совмещение данных картин обеспечивает человеку объемное восприятие образа реальности, возможность ориентации в окружающем мире. Справедливо это не только в отношении индивида, но и общества, в культуре которого должны гармонично сочетаться как научно-техническая, так и духовно-художественная ветви познания. Попытки навязывания обществу доминирования рационального над иррациональным (или наоборот) можно сравнить с операцией рассечения мозолистого тела, соединяющего полушария. Трагический результат наблюдается в обоих случаях: разрушение человека как личности и деградация общества.

Под воздействием научно-технической революции в своё время в обыденном сознании сформировалась безусловная вера в науку, в прогресс, в их возможности решить все проблемы человеческого бытия. Произошла определенная абсолютизация науки. Однако наука не может быть магической отмычкой или путём мистического приобщения к тайнам бытия. Она может многое, но не всё, наука не есть самоцель, а инструмент рационально-теоретического познания мира. Научный метод постижения мира в широком плане не есть единственный, человек постигает реальность также через религию, философию, искусство, повседневную практику. Полнейшее отрицание науки также чревато заблуждениями. Наука, в отличие от мифа, не обещает всё и сразу, но её прогнозы и обещания сбываются значительно чаще, чем заклинания колдунов и магов.

Наука в современном обществе занимает своё определенное место, она не претендует на роль религии, философии или искусства. Происходит лишь объёмный рост научных знаний, совершенствование технических средств науки, её методов, но не увеличение достоверности научных результатов. Позитивистское стремление к достоверности положений науки ушло в прошлое, то есть достоверность вовсе не является самоцелью науки. В современной науке, наряду с фундаментальными исследованиями, особый интерес приобретает прагматическая сторона – прикладной характер знаний. Разумное сочетание теоретических и прикладных знаний обеспечивает научный прогресс.

Таким образом, вера в миф способствовала становлению человеческого общества, правил поведения в нём человека. Древний миф не просто явился самой ранней мировоззренческой картиной, он нёс в себе первую попытку духовного освоения реальности. Именно в древнем мифе формируется вера человека в слово, сыгравшее первостепенную роль в становлении человеческого разума, в зарождении народного эпоса, первичных знаний о мире, человеке и окружающей действительности. Современная фетишизация науки, суеверия обыденного сознания лишены раз доказывают нам, от каких заблуждений приходится освобождаться человеку в поисках объективных знаний.

Примечания

1. См.: *Аверинцев С. С.* Вера // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. 1. А – Д. С. 380; *Новиков А. А.* Вера философская // Там же. С. 381–382.
2. *Мельвилл Ю. К.* Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968. С. 257.
3. *Рассел Б.* Человеческое познание его сфера и границы. М., 1957. С. 129.
4. Там же. С. 133.
5. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 148.
6. Там же. С. 160.
7. *Шифман И. Ш.* Молох // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 169–170.
8. *Тантлевский И. Р.* Введение в Пятикнижие. М., 2000. С. 140.
9. *Левин-Брюль А.* Первобытное мышление // История психологии: Тексты. М., 1992. С. 302.
10. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992. С. 98.
11. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986. С. 198–199.
12. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 165.
13. *Левин-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 147.
14. Там же. С. 148.
15. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 80.

16. *Поппер К.* Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 215.

17. *Пукшанский Б. Я.* Обыденное знание. Л., 1987. С. 104.

18. *Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 120.

19. *Бехтерев В. М.* Объективная психология. М., 1991. С. 337.

20. *Дынич В. А., Ельяшевич М. А., Толкачев Е. А., Томильчик А. М.* Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 123.

УДК 114/115

Р. Р. Тазетдинова

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ»

В статье обсуждается вопрос о философских основаниях «театральности повседневной жизни» как одного из видов театральности. Автор попытался рассмотреть процесс «оповседневнивания» феномена через призму феноменологического и экзистенциального.

The article discusses the philosophical foundations of “theatricality in everyday life”, as one of the forms of theatricality. The author tried to examine the process “opovsednevnivaniya” phenomenon through the lens of phenomenological and existential.

Ключевые слова: театральность, экзистенция, бытие, повседневность, категории «Я», «Другой», рефлексия, модус, структура.

Keywords: theatricality, existence, life, everyday life, the category “I”, “Other”, reflection, and mode of the structure.

Автор статьи далек от мысли о необходимости исследовать предпосылки, что произвели на свет саму тему театральности повседневной жизни. Театральность, как и повседневность, является предметом интереса многих научных дисциплин, каждая из которых определяет свой взгляд на проблему.

В свое время, учитывая смысловую многозначность в оценке дифференцирующего феномена повседневности, Бернхард Вальденфельс предупредил о возможности несовпадения этого понятия «с самой повседневной жизнью», полагая наличие некоей опасности «возникновения претензий на исключительность» и влияние «собственных скрытых предпочтений» исследователя [1]. Категория повседневности – это в первую очередь повседневность человека, «его внутренний жизненный мир, объективированный вовне» [2]. Она есть «срез эмпирической жизни», «мир пра-